

Легенды Донбасса

Автор-составитель: Кравец Наталья Николаевна воспитатель Муниципального дошкольного образовательного учреждения «Шахтёрский ясли-сад №2»

В пособие вошли материалы для ознакомления воспитанников дошкольных образовательных учреждений и их родителей с легендами, мифами родного края, историей Донбасса.

Дума о Диком поле

Земля, вольно разметнувшаяся между Днепром и Доном и от Северского Донца до Азовского моря, некогда называлась Диким Полем.

Поле это давно не дикое, оно усеяно заводами и шахтами, размежевано на огромные и крохотные угодья, обрамленные рукотворными лесозащитными полосами и лесами, по нему живительными артериями вятся водные каналы, голубыми глазами светятся на нем искусственные озера и моря...

Но среди новой природы, созданной и возлеянной человеком, хранятся уголки, где и поныне царит древняя первозданность и веет былинностью. Любая пядь Донецкого кряжа с его дальними отрогами таит в себе глубокие корни славного прошлого Украины, тех незапамятных дней, когда зарождалась история этой неповторимой ее восточной окраины.

Донецкий край воспет в народных думах и былинах, он щедр на живые и письменные предания, легенды, сказы, стародавние и современные были. Ими увиты седые вершины Саур-Могилы и Каменных Могил, они таятся в Золотом Колодязе и Великоанадольском лесу, бродят по Хомутовской степи и Кривой косе, живут в Святогорском монастыре и витают над Северским Донцом, к которому князь Игорь обращался в трудную годину битвы с половцами: «О, Донче! Не мало ти величия, лелеявши князя на волнах, стлавшему ему зелену траву на своих сребреных брезах, одевавшему его теплыми мглами под сению зелену древу; стрежаше его гоголем на воде, чайцами на струях, чернядьми на ветрах».

Казалось бы, привычны слуху и такие названия: Сухие и Мокрые Ялы, Сухой Торец, Казенный Торец, Голая Долина, Клепан-Бык, Бык, Бахмутка, Лугань, Волчья, Крынка, Грузской Еланчик, Кальчик, Калец, Самара, Соленая, Жеребец, Красная, Боровая, Миус и Кальмиус... Вслух произношу:— Каль... Ми-ус...

Извитой, как рог... И тонкий, как волос... Перемешались и укоренились на донецкой земле славянские и тюркские названия, оставшиеся еще со времен набегов завоевателей.

В мелодии сих слов чудится таинственный отзвук древности, эхо ветра, странствовавшего в далекую, сивую старину по Дикому Полю, которое досталось нам в наследство от Бога и от предков.

«Донецкий край»

Донецкий край,
шахтёрский край,
Любимый мой родной,
Прекрасной розой
расцветай,
Эдемской,неземной!
Такого края не найти-
Взлети хоть в облака!
Неувядающие цветы,
Предолгие века!!!
Услышьте,милые края,
Слова моей любви:
Донбасс,о,Родина моя,
Блаженствуя живи!
Дари обильный урожай,
Соль,уголь и металл!!
Донецкий край-Великий край!
И кто о том не знал? (Сергей Аякс)

"Величаво
и гордо стоят
терриконы.
Над ними
плывут
облака, точно
сама вечность
проходит над
ними. Что - то
поэтическое
есть в
задумчивом и
мудром
облике
терриконов.
Сколько здесь
человеческого
труда! Не

высчитать не измерить! Они насыпаны не одним поколением шахтеров. По камню, по глыбе складывались они. Многие уже старые, с морщинистыми заросшими бурьяном склонами, со снятыми рельсами, горбатые от времени. тут же красуются новые, только рождающиеся, они еще не выше одноэтажных зданий. Горы шахтерские - близкие, туманные, пепельно - серые, крутоверхие, красновато - бурые, продолговатые, осыпшие, словно гигантские шлемы. Летом - обоженные палящим солнцем. Зимой - заснеженные, а если ветер сдует снег с вершины, то кажется, будто горы стоят по пояс

в сугробах.. Особенno красиvы терриконы утром: издали бледно - сиреневые, лиловые. Ночью - сплошь в дрожащих огоньках, точно гора внутри раскалена и огонь пробивается то здесь то там. Многие терриконы стоят в донецкой степи не меньше

века.ни видели вайны и выюги, иссушающий зной и грозные, как наводнение, ливни. Они окутаны голубоватыми дымками, словно дегендами. Низкий поклон им, вычным памятникам нелегкому шахтерскому труду!" (**Л. Жариков**)
"О Донец! Не мало тебе славы, что лелеял князя на волнах, стлал ему зеленую траву на твоих серебряных берегах, одевад его теплыми туманами под сенью зеленго дерева, стерег его гоголем на воде, чайками на волнах,

утками на ветрах" (*"Слово о полку Игореве"*)

"Донбass - край сильных людей, людей с красивой душой и великим сердцем" (**Л. Луков**)
"Красив Донецк своими людьми, своими достижениями, красив собой. И эти милые и знакомые уголки любимого города в нас, в нашей памяти. Маленькая капля того прекрасного, что окружает нас. Мы живем рядом и порой не замечаем. Присмотрись к своему городу, просмотрись сердцем. Розовым рассветом, когда первые лучи освещают верхушки терриконов. Или солнечным днем, не нарушая его трудового ритма. Вечерней порой, с появлением мерцающих звезд на шелке небосвода. Или лунной ночью, вдыхая нежный аромат цветущих роз. Присмотрись, и пусть зазвенит вдущетонкая струна единения и сопричастности к этому большому, шумному и такому родному Донецку" (**В. Бычкова**)

ЛЕГЕНДЫ ОБ АЗОВСКОМ МОРЕ.

Среди азовских поморян издавна бытуют свои легенды о названии Азовского моря. Связаны они с именем дочери рыбака, некоей Азы.

По одной из легенд, Аза жила на самом берегу нашего моря со старым отцом. И была такой красивой, что все хлопцы не сводили с неё глаз. Она же ни на кого не обращала внимания, ибо, говорят, была слишком горда. Ещё и похвалялась, что ей никто не нравится.

Вот все парни, что жили поблизости, договорились, пришли к Азе и предложили ей

выбрать среди них себе жениха. Красавица посмотрела на них, подумала, а потом и говорит:

- Будете соревноваться. Кто из вас своих товарищей поборет, тот и будет моим суженем.

И начали молодцы соревноваться. Один-таки вышел из того соревнования победителем, но Аза отказалась ему да ещё и принялась насмехаться над хлопцами. Обманула соперников. Разгневались они на гордячку, взяли и утопили её в море.

До сих пор, когда подходит вода к берегу, из моря слышится то ли плач, то ли стон. Старые люди говорят, что это красавица Аза плачет о своём ненайденном суженом. И море якобы зовётся от её имени Азовским...

••●••

По другой легенде Аза тоже жила на берегу нашего моря и тоже была неописуемой красоты, но, в отличие от первой, эта любила хорошего собой, прекрасного парня. Да настал тревожный час, и Азин возлюбленный ушёл на войну с турками. А перед походом он подарил девушке золотое кольцо, чтоб она ждала и не забывала своего милого. С приговором подарили:

- Если потеряешь это кольцо, я буду знать о твоей неверности.

Прошло несколько лет. Аза берегла подарок, как зеницу ока. И всё ждала-выглядывала хлопца из похода, а он всё не возвращался. И вот однажды случилась беда. Пошла девушка к морю стирать бельё, задумалась да и уронила ненароком кольцо в воду. А тут откуда ни возьмись волна, замутила воду – и пропал подарок. Испугалась бедная Аза, бросилась волны, чтобы достать свою дорогую утрату, да и утонула.

С тех пор, мол, и море зовётся Азовским по имени бесталанной девушки, которая так и не дождалась своего милого из похода.

••●••

В третьей легенде рассказывается уже о двух сёстрах.

Возле большой воды (то есть где-то возле нашего моря) жил когда-то, говорят, старый рыбак. Жена его давно померла, оставив горемыке двух дочек. Одну из них, старшую, звали Азой, а другую, меньшую, - Золотокосой Песчанкой. Сёстры были настолько красивы, что кто бывало узрит их, тот с того момента и про сон забудет: всё о них думает. А девушки искали своего счастья переборчива, никто из местных парней не был мил их сердцу.

Аза каждодневно сидела на берегу моря, на высоком обрыве, да всё выглядывала кого-то. Возможно, своего суженого, который поплыл в далёкие чужие миры и там, как передавали люди, погиб от вражьей сабли.

А раз, когда девушка сидела в той же задумчивости, неожиданно задул сильный ветер-буран. На море поднялись высоченные волны. Они бежали к берегу, били в кручи и страшно стонали. Внезапно откололся от кручи большой участок земли и вместе с Азой обрушился в разбушевавшиеся волны. Увидела это Золотокосая Песчанка – и себе бросилась с горы в море, чтоб спасти старшую сестру. Да так и потонули обе...

Наутро следующего дня, когда море утихомирилось, вернулся из гостей старый рыбак, вышел на берег моря и увидел, что нет его дочерей на круче, а на том месте, где любила сидеть Аза, свежий обвал. Глянул отец вниз – а там, под самой кручеей, такой золотистый песок искрится на солнце, что аж очи слепит! А море – тихое-тихое и такое ласковое, как его дети... И поныл всё несчастный и горько заплакал...

Вот с тех самых пор и море стали называть Азовским, ибо потонула ведь в нём красавица Аза. А длинных песчаных кос в этом море оттого столь много, что вместе с Азой утонула и её младшая сестра – Золотокосая Песчанка.

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕЧЕК И БАЛОК.

Когда-то на земле якобы жил могучий и кровожадный змей. Многих людей он сожрал, ибо сильнее его на свете никого не было.

В то же самое время жили и кузнецы божьей милостью – Кузьма и Демьян. И вот задумали они того змея сжить со свету, дабы

освободить славян-соплеменников от его жуткого бремени.

Сунулся раз змей к ним, а они – в кузню. И заперли железные двери на все непорушные засовы.

Змей и говорит:

- Кузьма, Демьян, божьи ковали, откройте, а то проглочу вас вместе с кузницей!

А те отвечают:

- Коль ты при нечеловеческой силе, то пролижи двери. А мы тогда сядем тебе на язык – и глотай.

Змей принялся вгорячах лизать, а кузнецы тем временем разогрели докрасна железо и выковали из него больщущие клещи.

Едва змей пролизал двери и высунул язык, как Демьян и Кузьма хвать клещами за тот язык! И начали дубасить молотами...

Уморили змеля хорошенько, а потом запрягли плуг, что на двадцать пар волов был рассчитан, и давай пахать.

Орали они степь дикую вдоль и поперёк. И сколько змей ни просил, не давали ему ни пить, ни есть.

- Будет с тебя и того жира, что накопил на людях! – отказывали.

- Ну, коль так, то перед страшным судом освещу я своим жиром весь свет так, что ослепнете! – пригрозил змей.

Долго ль орали они, нет, а дошли до моря. Змей бросился в море и ну сгоряча пить. Пил, пил – выпил море. И – лопнул.

Кузьма и Демьян взяли и закопали того змея под горой, которую затем люди так и прозвали – Змиева гора.

Бог его знает, когда это было на белом свете. А только со временем полился с той горы керосин. Вроде и конец света вот-вот настанет... Да Бог, слава те, покуда миловал. Хотя и по слободам и теперь не каждый светит керосином, бо – нечистый...

Кузьма и Демьян, пока змей не совсем умаялся, орали глубоко – и там потекли реки, а как тот уморился окончательно, орали мелко – и там возникли балки.

Вот откудова взялись в степях речки и балки!

ЛЕГЕНДА О СКОРБЯЩЕЙ ВДОВЕ.

Ютится средь скал Скорбящая Вдова. А может, и не одна она была, да время не пощадило. Ибо сюда в 1223 году, после страшной битвы на Калке, устремились многие жены, матери, сестры, чтобы отыскать среди погибших своих близких русичей. Узрев неслыханное, никогда не виданное допрежь побоище, одна из жен, по преданию, так и окаменела на месте.

ЛЕГЕНДА О НИЗКОМ ТЫПЧАКЕ И ВЫСОВОМ КОВЫЛЕ.

Еще раньше, когда шла нещадная война половцев с русскими князьями, супротивники послали, те — со своей стороны, а те — со своей, в разведку пронырливую Тыпчак, дочь половецкого хана, и храброго воина-русиша по имени Ковыль. Ночью они чуть не столкнулись среди Каменных Могил. Озарила луна их ярким светом в тот миг. Девушку поразила сказочная красота молодого русича. И он тоже был пленен ее несказанным видом. Не смогли они убить друг друга. Как не могли и предать своих. Когда на землю пали первые лучи, их увидели вместе стоящими в горах.

— Измена! — закричали противоборствующие стороны.

С обоих станов полетели в них стрелы. Да высоко — не достать. Но и казнить их не успели.

Влюбленные бросились вниз с высокого камня и разбились насмерть.

Там, где упали капли их крови, выросли травы — низкий тыпчак и высокий ковыль. Природа же увековечила влюбленных в виде двух каменных тел, лежащих друг к другу головами.

ЛЕГЕНДА О КАМЕННЫХ МОГИЛАХ.

Говорят, в XVIII веке стоял здесь город татарский, были мечети, развалины которых угадываются и до сих пор.

Так ли, нет, однако среди немцев-колонистов, что жили неподалеку в селе Грос-Вердер, и вправду из уста в уста передавалась легенда о том, что действительно на этом месте в старину находился прекрасный город с великолепными дворцами, в одном из которых жила молодая королева.

Никто не знал, отчего город превратился в каменные нагромождения, только поговаривали, что его можно восстановить из руин, для чего нужно отыскать неимоверно храброго юношу. В ночь с 23 на 24 июня в 11 часов та королева появляется-де на самом высоком камне, а возле неё — чудесный цветок, якобы папоротник. Юноше надлежит взять этот цветок у королевы и принести в свое село. И тогда, мол, город вновь возродится. Да сделать желаемое неимоверно трудно. Потому как в то время, когда смельчак будет нести цветок, позади него раздастся страшный топот, крики, его станут преследовать привидения. Он же не должен ни оглядываться, ни проронить слова какого.

Колонисты рассказывали, что был у них в селе такой юноша, который никого и ничего не боялся.

Вот он в ту июньскую ночь и пошел в Каменные Могилы. И дождался таки: в 11 часов увидел королеву на камне, а возле нее — желанный цветок. Но едва он намерился сорвать его, королева стала просить, чтоб он не трогал. Казалось, и каменное сердце расплавилось бы от ее уговоров. Однако юноша все же сорвал и понес в село. Когда он шел, то чудилось, будто все бесы вырвались на волю — такой гвалт позади поднялся. А земля прямо стонала от топота чьих-то ног. Да смельчак не оглядывался, одолевал свой путь.

Навстречу ему поспешил брат и попросил показать цветок диковинный.
— Смотри! — сказал юноша и дал ему в руки цветок.

И враз пропал и топот, и привидения, и сам цветок.

Во второй раз идти в Каменные Могилы юноша уж не осмелился.
Так и остался загадочный, зачарованный город, не спасенный никем по сию пору.

А легенда вместе с немцами-колонистами перекочевала в Германию и уже оттуда пришла к нам в начале XX века.

ЛЕГЕНДА О ПОЯВЛЕНИИ КАМЕННЫХ МОГИЛ.

Летел, мол, как-то черт по-над Днепром. Смотрит на его спокойную широкую гладь, на людей, которые плавали на челнах, на рыбаков, и сердце его черное затряслось от злости.

— Ишь, как пристроились... Не годится, это не по-моему... И надумал Чёрт донять людей. Когда наступила ночь, взял дерюжину и полетел за море, на высокие горы.

Набрал там камня дикого, вернулся к Днепру и высыпал посредине.

— Попомните меня! — присказывал Чёрт. — Запружу всю речку камнем.

Так он слетал за ночь несколько раз. Уже и каменистые пороги начали выступать из днепровской воды.

А раз, уже перед самым рассветом, он набрал породы больше обычного. Летит, еле удерживает своими когтями дерюжину. Где-то внизу громко закукарекал петух.

Лапа у Чёрта

дрогнула,

один конец

дерюжины

выскользнул

из нее, и

камни

полетели

наземь, упали

посреди

степи. С тех

пор-де и

виднеются

там эти

темные

нагроможден

ия дикого

камня, схожие

со степными могилами.

И люди назвали их Каменными Могилами.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ КОЛОДЯЗЕ.

Пивал из него
и царь Пётр
Первый,
возвращаясь из
последнего, на сей
раз удачного,
победного,
Азовского похода в
1696 году.

Об этом
эпизоде
пересказывают
легенду всяк на
свой лад вот уже
три века с
небольшим, и так,
и этак

приукрашивая ее соответственно собственному видению и пониманию. Одначе, во всех вариантах ощущается достоверный исторический факт. Да и к тому времени здесь уже жили оседло люди, кои и стали невольными свидетелями происшедшего в то давнее время. И, скорее всего, сохранили легенду в первозданном виде.

Возможно, солдаты и сами пили, и поили лошадей, дивясь неиссякаемости колодца, который был обижен крестьянами помещика Лёвшина, поселившегося в этом благодатном месте со своей женой-полячкой еще в 1680 году. И солдаты не могли обнаружить колодец случайно в ивовых зарослях, не помчать на радостях к царю, пусть и взъехавшего на самый высокий холм Макурт, с криками о необычайной находке, на что царь вроде бы мигом спустился вниз, чтоб самолично поглядеть на чудо-криницу.

Крестьяне, а может, и сам помещик, обрадованный несказанному гостю — как же, сам царь-батюшка препожаловал в его поместье! — преподнесли Петру Первому самое дорогое, что у них было — чашу целебной воды. Ибо давным-давно убедились в ее чудодействе — никто ни разу за все время пребывания здесь животом не маялся.

Выпил царь келех залпом и зажмурился от неожиданности — уж больно студеной, до ломоты в зубах, оказалась водица, аж дух перехватило. Но и вкуса была редкого, невероятно мягкая и чуть ли не сладкая, прямо сама пьется, сколько ни пей.

Наконец Петр протер по-щегольски задиристые усы, распахнул во все зеньки свои большущие глазища и выказал белые крепкие зубы в предовольной, по-детски счастливой улыбке. И выдохнул:

— Ах, золотая водица!

Достал из подсумка талер золотой, монету немецкого производства, поскольку российских-то покуда не начеканил — царствовал всего десять лет каких-нибудь, да и то не один, а до нынешнего, победного и потому торжествующего его славу года вместе с братом Иваном, — достал и бросил в криницу, громогласно присказав:

— Быть ему отныне Золотым Колодезем!

С тех пор так и прижилось это название — Золотой Колодезь. А со временем и на украинский манер — Золотый Колодязь, поскольку крестьяне у помещика были в большинстве своем украинцы.

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ ЛЕСЕ.

В наше время араукарии, эти вечнозеленые хвойные деревья, сохранились только в Южной Америке, в Австралии и на островах Новая Каледония в Тихом океане.

У нас же, на Донецком кряже, остались окаменевшие стволы этих деревьев, причем сохранившие изначальную внутреннюю структуру, в том месте, где главный отрог кряжа подходит к Алексеево-Дружковке, на крутом склоне балки. Деревья эти, окаменевшие их стволы, уходят в глубину земли метров на десять, а наруже торчат верхушки. По площади занимают они до одного гектара. Уникальные свидетели прадавней минувшины!

О возникновении этого каменного леса существует любопытная легенда.

Одна из богинь — покровительница лесов — долго странствовала в богатом на дичь лесу. Притомилась, да и есть ей захотелось. Видит, зайчонок притаился за кустом. Она взмахнула своей волшебной палочкой и сразила серого, собралась зажарить его. Ненароком глянула вверх, а там верхушки деревьев взялись огнем. Оказывается, им жаль стало бедолагу зайца, и они взбунтовались: ветки на макушках от жаркого гнева сами по себе загорелись.

Рассвирепела
богиня. И чтоб
деревья никогда
больше не могли
загораться,
навечно
превратила их в
каменные.

По другой же легенде, давным-давно в прадавнем лесу, что рос в этой местности, объявился молодой охотник. Он был красив, смел и удал. За плечами у него висел сагайдак, или колчан, со стрелами, у пояса — большой охотничий нож.

Однажды юноша, охотясь, повстречал на лесной тропе девушку — красы невиданной. Глубоко в сердце запала она ему. И ей тозке приглянулся молодой охотник. А это была рабыня со двора жестокой лесной повелительницы, жившей на высоком холме в лесу. Юноша и девушка с того дня, как встретились, стали тайно свиданничать, чтоб лихая повелительница не прознала.

Как-то стояли они под развесистыми зелеными ветвями, будто в живом шатре. Вдруг пред ними появился необычный всадник: на большой волчице, укрытой пестрой попоной, сидела молодая, еще привлекательная женщина. Ее длинные темные волосы были схвачены золотым обручем.

Девушка прямо онемела — и губ не может разомкнуть. Парень догадался, что это и есть владелица этих лесов и лесного дворца на холме. О ней ходила недобрая слава по всей округе. И юноша насторожился.

Повелительнице же он приглянулся с первого взгляда. Она какой-то миг всматривалась в его черные глаза, разглядывала его светлые волосы.

— Ты кто такой, откуда пришел на мои земли? — наконец спросила она.

Юноша ничего не ответил, только крепче прижал к себе омертвевшую от страха девушку.

Лицо повелительницы враз пошло красными пятнами, налилось гневом. Она велела девушке идти в покой, но молодой охотник заступился за любимую, не отпустил ее. Владелица еще какое-то время порассматривала дерзкого парня, взглянула на рабыню, грозно взмахнула плетью и умчала прочь.

Юноша схватил девушку за руку и повел глубже в лес, подальше от беды.

Однако неожиданно взблеснули молнии, загрохотало громом небо, и на них обрушился страшный ливень. Упругий, хлесткий ветер гнул ветви долу, ломал деревья.

— Это ее проделки. Бежим, милый, отсюда побыстрее! — воскликнула напуганно девушка.

Они бросились бежать, надеясь поскорее вырваться на залесский простор.

Бежали и бежали, а тем временем лес затаился, стихла гроза и ливень. И беглецы ощутили, что недавно мягкая хвоя на деревьях затвердела, сделалась будто каменная, и эти острые иглы больно колют плечи и руки, рвут на них одежду.

— Ты видишь, лес закаменел? Это и правда злая выходка моей повелительницы, — засокрушилась девушка еще больше.

Пригибаясь и увертываясь от твердокаменных острых хвойных веток, они бежали дальше.

А вот и конец леса. Юноша и девушка взобрались на гору. А позади них поднялся бешеный грохот. Грозный поток ила и камня медленно поглощал ту часть леса, что росла в глубокой впадине и где они встречались тайком, хоронясь от недоброй властительницы. Немного спустя над той равниной, где плескались тяжелые волны, остались только одинокие верхушки окаменевших деревьев.

ЛЕГЕНДА О ДОНЕЦКОМ КРЯЖЕ.

О том, что поверх Донецкого кряжа некогда сплошь плескалось море, оставил на воле лишь его закраины, свидетельствуют и легенды, и находки географов и геологов. В совокупности своей они предстают как бы легендами-былями, в которых порой и не отлишишь правды от вымысла. Ими-то и богата история Донецкого кряжа.

Не удержусь, чтобы не поведать об одной из них.

Случилось это в дремучую старину, еще в те времена, когда здешняя местность, на которой мы живем нынче, была морским дном.

А у самого моря, на высоком скалистом обрыве стояла маленькая хатка, сложенная из плоского камня-плоскача, добытого из песчаных береговых обрывов. И жил в той хатке старый-престарый, как этот мир, рыбак со своей внучкой. Как ее

звали, сейчас уж никто и не упомнит, потому как немало воды утекло с тех самых пор и с той кручи прибрежной в море, и имя ее затерялось в тумане сивого прошлого. Известно лишь, что была она хороша собой, красавица из красавиц. А еще была горделива и смела. Местные парни и затрагивать ее побаивались. Девушка помогала состарившемуся деду. Бывало, занеможет тот, не в состоянии и на пропиток порыбалить, она тогда сама выходила в открытое море и всегда возвращалась с неплохим уловом.

А в крохотном поселении, ютившемся у края леса дремучего, жил со своей прежде времени состарившейся матерью юноша — косая сажень в плечах, стройный, как тополь, крепкий, как дуб. И силы был неимоверной. Односельчане рассказывали, что однажды во время охоты он довбней — деревянным молотом — насмерть зашиб медведя.

Ему и приглянулась та девушка-красавица. Она же вроде не замечала его. В то время, как втайне от всех думала о нем, об этом пригожем да сильном юноше.

Как-то спозаранок, когда дедок опять занемог, вышла девушка на своем члене одна в море. Стояла тихая ласковая летняя погода. Забросила она невод, сидит себе и песенку поет, любуется морским переменчивым под нарождающимся солнцем дальним окоем...

Глядь, откуда ни возьмись, появилась стая акул. Вот уже они совсем близко, выпрыгивают высоко из воды, щерят пасти, неровен час и до нее доберутся.

И тут, словно бы из-под воды вырос, объявился рядом с нею парень-здоровяк. Размахнулся своей долбней, ахнул по голове одну акулу, она и ко дну пошла, еще взмахнул — и вторая только хвостом всплеснула, утопая. А остальные все-таки волчьей стаей обходят стороной, обступают член. Выскочит из воды какая-нибудь из них у самого борта, пасть вовсю ощерит, норовя выхватить довбню. А в пасти у нее и сверху и снизу по несколько рядов небольшим зубов, крепких да острых. Ну, прямо тебе жернова! Вмиг разотрет в порошок, попадись только ей на зуб... Но парень знай молотит их по головам, только эхо над морем катится! А когда последняя исчезла в морской пучине, парень подплыл поближе к девушке, усмехаясь, поклонился... Она ответила ему приятственной усмешкой, протянула руку. Он бережно пересадил ее в свой член, а ее лодочонку привязал к борту пеньковой веревкой, и они тихо, не спеша поплыли к берегу.

...С тех пор минуло много-премного времени. На том месте, где плескалось море, якобы у его когдашней кромки высится Дружковская гора. В давно

выработанном в ней карьере, где добывали камень-известняк, песчаник, археологи нашли целое скопище акульих, не тронутых временем, зубов. Скелеты рыб истлели, а зубы, покрытые крепкой эмалью, сохранились.

А главное, скопище тех зубов вроде бы лежало как раз там, где когда-то юноша защищал от морских хищников девушку-красавицу... А еще ведь близ Дружковки обнаружили и окаменевший тридцатиметровый скелет морского ящера. Так что, кто знает, может все так и было на самом деле, как поведано в легенде.

ЛЕГЕНДА О САРМАТАХ.

воинственные женщины амазонки. Невыразимый страх наводили они на те земли, куда делали набеги на своих летучих, ветровых конях. Никто не мог одолеть смелых воительниц.

Но в одном из многочисленных боев их победили эллины, захватили в плен, посадили на корабль. Надутые ветром паруса погнали его по волнистым водам в неведомые для них края. Долго плыли пленницы.

Как-то ночью, когда все воины спали, воительницы убили сторожевых, перебили всех эллинцев и сбросили в морскую бездну...

Да вот незадача: никто из амазонок не умел править судном. А тут, как на беду, поднялась буря на море, разыгрался шторм, он подхватил корабль и понес на белогривых волнах в темень ночи. Лишь на рассвете прибило их к неизвестному берегу.

Утром ветер стих, уgomонилось море, выглянуло солнце. И стало видно, что вокруг, куда ни кинь взглядом, пластиается дикая степь.

Амазонки взяли мечи, сошли на берег и двинулись степью наугад.

Впервые описал отчасти природу, отчасти людей южнорусских степей приморских — всю первобытность тогдашней здешней стороны, именуемой в то время Скифией, известный древнегреческий историк Геродот, творивший в V веке до нашей эры и прозванный «отцом истории».

По его свидетельству, давным-давно, может, две, а то и три тысячи лет тому назад жили на свете

Через какое-то время они заметили табун лошадей, которые паслись неподалеку в сочных и высоких, едва не скрывающих их из виду, травах.

Не теряя времени, девушки поймали лошадок и поскакали в направлении скрытых огней, что выдавали себя вьющимся ввысь сизым дымком над заросшим доверху кустарниками и оттого малоприметным яром.

А как подъехали, оказалось, то были скифские воины. Амазонки враз окружили их и велели следовать за ними. Скифам понравились смелые и красивые воительницы. Они перешли с ними Танаис и остались там жить вместе. От их браков вроде бы и пошло племя сарматов.

ЛЕГЕНДА О СОЛИ.

них — они все и замолкли. Сами же квелье, еле ползают.

И лежал там особняком серый камень. Вот какая гадюка ни подберется к нему, то и лизнет, и лизнет тот камень. И тут же убирается в сторону, да куда проворнее, чем подходила.

А та, старшая, возле той дивчины так и вьется да кланяется, кивком головы показывает, чтоб и она тот камень лизнула.

— Я, — рассказывала потом дивчина, — долго крепилась: аж девять дней! А потом и сама лизнула. И враз оклемалась и голод пропал — даже есть не хочется.

А как пришло время гадюкам вылезти, все поразлазились кто куда. Старшая же встала дугой, а дивчина — на нее да и выбралась наружу.

Кто знает, возможно, серый камень и был первообразом того «лизунца», который делается из каменной соли для животных и поныне.

Змеи, они, известно, мудры! Не зря же в народе издавна бытует присловье: «Мудрый, как змея».

Не исключено, что первобытные и древние уже тогда догадывались о пользе соли и употребляли ее. Или инстинктивно чуяли, перенимая повадки зверей.

Неведомым лишь осталось для нас, далких потомков, ни первооткрыватель тогдашний, ни точная дата открытия этого полезного минерала, на какой так богат Донецкий кряж. Известно лишь из пересказов, что солеварением занимались на речке Тор еще в XIII веке. А в XVI веке, при царе Иване Грозном, якобы объявились первые поселенцы-солевары и на реке Бахмутке.

Гадючий вырей, загадочный их край или земной рай — не то, что птичий. Птичий где-то на теплых водах, за пущами и за богатырями, а гадючий в Русской земле. Вот что про него рассказывают старые люди.

Пошла немощная девка в лес и провалилась в этот вырей. Провалилась, упала на дно, а гадюки как зашипят. А самая большая и, должно быть, самая мудрая из них, как зашипит на

КЛЮЧИ ОТ ПОДЗЕМНЫХ КЛАДОВЫХ

В Лисичьей балке над Донцом строили первою шахту Донбасса. Шахтеры медленно вгрызались в чрево Земли. Чем глубже они спускались под землю, тем тверже становилась порода. Словно сама природа сопротивлялась, не хотела открывать людям кладовых. Долбят шахтеры породу кайлами, долбят кирками, а бадью для подъема на поверхность наполнить нечем. И вот сгребли последнюю горсть[^] мелких осколков породы, бросили в бадью и думают: “Что же делать дальше? Как добраться до угля?” Порода была тверже стаи. К тому же на пути встретился огромный камень-дичак и не давал возможности проходчикам развернуться. Рассердился шахтер Иван, взмахнул киркой изо всей силы. А был он могучего сложения, закаленный в работе. Да как саданет по тому камню. Удар оказался настолько мощным, что из-под кирки вспыхнул яркий сноп искр, раздался сильный оглушительный звук, напоминающий раскаты весеннего грома. И пошел, покатился тот грозовой рокот под землей по всему Донбассу. В то же мгновение вокруг что-то затрещало, заскрежетало. И вдруг камень отвалился. Взору шахтеров предстало чудное сверкающее подземелье. Шахтеры оторопели. Смотрят и глазам не верят. Перед ними открылась подземная галерея, похожая на зал ледового дворца. Сверкая всеми цветами радуги, сверху лился яркий столб света. Многими своими гранями он отражался на полу и стенах, создавал невиданное зрелище, способное очаровать любого. Шахтеры медленно спустились вниз, осмотрелись, осторожно потрогали руками блестящие черные кристаллы стен подземелья. Один проходчик с восхищением говорит:

Смотри, какая красота! Словно черное золото!

Другой тут же уточняет:

Вот так штука! Это и есть каменный уголь. Какая радость!

В то же время из глубины зала повеяло легким ветерком послышались мерные шаги. Откуда ни возмись, перед ними предстало какое-то огромное существо. Вначале это было что-то расплывчатое, неясное, будто прозрачное облако, затем оно стало сгущаться и приняло человеческий облик. Теперь перед ними стоял будто сказочный великан. Его огромный корпус, сильные мускулистые руки, мощные богатырские ноги словно были высечены из глыбы каменного угля. Приблизившись к пришельцам, он заговорил -человеческим голосом, который эхом отдавался в подземелье.

Я хозяин подземных кладовых. Извольте представиться: кто вы и зачем сюда пожаловали?

Шахтеры на мгновенье растерялись. Но лишь на мгновенье. Вспомнив правило, что природа покоряется только сильным, смелым да умелым, они снова обрели отвагу и уверенность. Один из них, Иван, сделал решительный шаг вперед.

Мастеровой Липецкого металлургического завода — гордо держа голову и направив взгляд на великана, представился он. — На реке Липце добывал и плавил железную руду. Теперь по царскому указу приехал на Донец каменный уголь добывать.

За ним шагнул вперед его напарник и бойко представился: ^у

Петр из Олонецкой губерни. На Александровском заводе в Петрозаводске плавил железную руду и отливал пушки. А ныне мы с Иваном первые шахтеры Донбасса.

По всему было видно, что пришельцы понравились хозяину подземных кладовых. Он заговорил с ними просто естественно, как с равными.

Миллионы лет храню я эти подземные богатства. Не раз люд и пытались взять их. Но не всякий удостаивался такой чести. В одном случае уголь уходил глубоко под землю, исчезая бесследно. В другом — его заливало водой. Подземные кладовые накрепко запирались, ждали своего времени. Теперь тот час настал.

Подземный великан

приблизился к шахтерам пристально посмотрел им в глаза:

— Вы люди огненной профессии, сродни Прометею. Отважились вы на большие и славные дела. Давно я ждал таких. Надеюсь, вы по-хозяйски распорядитесь этим несметным

богатством. Каменный уголь, как солнце, даст людям тепло и свет, принесет многим счастье. Я торжественно вручаю вам ключи от подземных кладовых. Храните их вечно. Открывайте ими богатства только для блага народа.

Великан зазвенел связкой золотых ключей, протянул их шахтерам. От ключей исходило такое сильное золотое сияние, что, как на солнце, невозможно было долго смотреть на них. А богатый мелодичный звон, исходивший от ключей, словно от тысячи волдайских колокольчиков, серебряным потоком поплыл по подземелью и медленно угас в угольных пластиах. И молвил подземный великан:

— Пусть сии ключи как ценнейшая реликвия вечно хранятся на этом холме, который издревле звался Соколиными горами.

Шахтеры с великим энтузиазмом, трепетно приняли этот бесценный дар. Глубоко в их души запали слова великана, хозяина подземных кладовых. Они восприняли их как завет всем поколениям нарождающегося шахтерского племени.

Трудно даже представить, что пережили за эти минуты первые шахтеры Донбасса. Подземный великан вдохнул в них огромную силу, наполнил их великой энергией, дал заряд бодрости на многие, многие века. И пошел с тех пор из подземных кладовых Донбасса нескончаемый поток черного золота. А золотые ключи и по сю пору хранятся в Лисичьей балке

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ УГЛЕ

Однажды бродил охотник по дикой степи, по балкам, по овражным перелескам в поисках добычи. Уже и подустал малость.

Солнце же тем временем сдвинулось с полдня на запад, пора было и домой возвращаться – до дома ого-го еще сколько топать!

И он решил отдохнуть немного, а заодно чего-нибудь поесть, чтоб пополнить силы, согреть нутро кипятком. Снял с плеча добытого на охоте зайца, тетерева, пойманного сельцами, рогожную торбу с несколькими окуньками, которых он поймал горстями на мелких и узких перекатах в Лугани. А еще на подходе сюда приметил родничок в байраке, к нему он и спустился.

Затем начал собирать сушняк для костра. Видит, у подножия крутолобого склона балки свежий скат – лисья нора. Однако что за диво: земля, которую выгребала лапами рыжая наружу, какая-то необычная – черная-пречерная с виду, а в ней поблескивают черные камушки, большие и маленькие.

Осмотрел нору. Сомнений не было: лисья. Да вот и шерсть рыжеватая в бурьяне позастревала.

Охотник, вернувшись, расчистил старое пастушье кострище, обложил его черными камнями, принесенными от лисьей норы, высек огонь. Когда сушняк разгорелся, положил на жар завернутого в лопух окуния целиком, а сверху присыпал той же черной землей, чтоб он быстрее упарился и равномерно спекся. И прилег отдохнуть ...

Через какое-то время кинулся поглядеть на пекущуюся рыбу и страшно удивился: земля и камушки, принесенные от норы, были теперь не черные, а красные, охваченные поверху синими огоньками. Разгреб поскорее костерок, а от окуния одна зола осталась – сгорел вместе с лопушиными листьями.

– Ты смотри? –
поразился охотник. –
Земля горит! Или
наваждение бесово?
Он посидел, в
раздумье, в
недоумении
разглядывая
неслыханное доселе
явление, а потом еще
взял из норы тех же
камешков, бросил в
жар. Сначала

задымило слегка, и вслед за тем сквозь дым выткнулись небольшие языки зеленовато-красного пламени.

– Вот так чуда сия! – еще больше поразился охотник. – Горит-таки земля!
Он и об усталости, и о еде забыл. Быстро набрал в свободную торбу тех камешков и земли черной, подхватил дичь, зайца и рыбу и заторопился в слободу, чтобы рассказать односельчанам о невиданной чудо-находке. А перед глазами у него все время было видение недавно горящей земли...

СКАЗКА ОБ УГЛЕ ИЛИ КАК ЛИСА УГОЛЬ НАШЛА.

Донбасс — счастливый край. И про то, как были открыты подземные сокровища, сказка есть.

Шел по степи селянин с ружьем. Смотрит, в земле глубокая нора. Заглянул в нее, а там лисята притаились. Вытащил всех по одному и радуется: «Эге, добрая будет у меня шапка!» А тут мать-лиса прибежала, увидала своих деток у человека в руках и говорит:

— Отдай моих деток, человек, я тебе за это клад открою. Подумал, подумал дядька и решил: а вдруг правда подарит клад, не зря же лиса так жалостливо просит.

— Ладно, лиса, на тебе твоих малышей, а за это клад показывай.

— Бери заступ, — говорит лиса, — и копай вот тут.

— Зачем?

— Клад найдешь.

Опять поверил человек лисе, взял кирку, лопату и стал копать. Сначала земля шла мягкая, и копать было легко. А потом камень пошел, пришлось за кирку браться. Долбил-долбил, вспотел весь, а клада нет и нет.

сторону.

Сколько уж там прошло времени, а только чует он — гарью потянуло. Посмотрел в одну сторону, в другую, оглянулся — нигде нет огня, только в том месте, куда он окурок бросил, обломки черных камней задымились. Он их сам выломал из земли и выбросил лопатой на поверхность. Смотрит и диву дается: горят камни! Собрал поблизости другие куски, кинул в огонь, и эти занялись, да жарко как! И тут наш искатель клада смекнул: набрал черных камней в мешок и принес к себе в хату, бросил в печку, и камни на глазах загорелись-загудели. <)т радости зовет он жинку: «Ставь, говорит, чугуны да кастрюли на плиту, погляди, что я за чудо-камни нашел».

«Ну, мошенница лиса, видать, обманула». Подумал так наш дядька, но копать продолжал — интерес его разбирал, да и яму вон какую вымахал, жалко бросать работу: вдруг взаправду докопается до клада? Пошел опять долбить, смотрит: черная-пречерная земля показалась. Выпачкался дядька с головы до ног — одни глаза сверкают, а клада все нет. Плюнул, вылез из ямы и закурил с досады. Сидит покуривает, думу думает: как же так и зачем он поверил лисе? Кто не знает, что лиса хитрая... Докурил цигарку и бросил окурок в

На другой день утром побежал к своей яме, опять наорал горючих камней. А тут навстречу лиса.

— Здравствуй, добрый человек. Доволен ли мною?

— Хитрюга ты, Патрикеевна, обманула меня: гляди, какую яму вырыл, а клада нет.

— Не обманула я тебя, человек. Нашел ты клад, ведь горючие камни и есть самое богатое сокровище!

«И то правда»,— подумал про себя мужик и говорит лисе:

— Ну, коли так, спасибо тебе, лисонька... Живи на свете, радуйся своим деткам. Взвалил мешок с горючими камнями на спину и понес.

И опять запылало-загудело в плите жаркое пламя, да такое, хоть окна и двери открывай и беги из хаты.

Никому в селе дядька не сказал ни слова про счастливые черные камни. Только разве от людей спрячешься? Подглядели за ним, куда он ходит с мешком, увидали, как горят камни, и давай себе копать да похваливать соседа, дескать, вон какую он нам прибыль сделал.

Пошел слух о черных камнях по всей округе. Докатилась слава до царя Петра. Затребовал он к себе того дядьку: «Какие такие ты нашел чудо-камни, будто от них великий жар?» Ну, тот высказал царю всю правду и про лисичку не забыл. Удивился царь Петр и велел позвать к себе самого знатного вельможу, чтобы послать его с мужиком в те степные края да и казачий город Быстрянск и там искать горючие камни, жечь их и пробу чинить.

Вельможа поговорил с дядькой, вызнал тайну про лисичку и про черные камни.

Слушал и радовался вельможа: значит, много в тех краях зверя пушного, если простая лиса способна на такие дела. Взял он поскорее ружье-двустволку, подпоясался тремя патронташами и явился пред ясные царские очи:

— Готов ехать, ваше царское величество!

— А фузею зачем взял? — спрашивает Петр про ружье.

— Охотиться, ваше величество... Мужик сказывал, там лис много.

Царь и говорит ему:

— Значит, ты, вельможа, не способен вести государственные дела, ежели прежде всего о себе да об охоте думаешь. И коли так, то иди служи на пасарне...

Заместо вельможи царь велел позвать разумного в науках мужика по фамилии Капустин. Дал ему царь свою кирку, лопату и велел отправляться в казачьи степи искать залежи горючего камня.

Тогда-то, друг мой, и были открыты в Донбассе его сокровища — угольные пласты. И пошли с той поры шахты по всей нашей неоглядной донецкой земле.

Поезжай в город Лисичанск — увидишь Григория Капустина, там ему памятник стоит из чистой бронзы. А в степь пойдешь и лисоньку встретишь, ей поклонись.

••••

В который раз припомнилась расхожая легенда о том, как сам Петр Первый открыл то каменье, способное загораться и сильный жар давать. Это было якобы тогда, когда он возвращался из очередного Азовского похода. Солдаты-де бросили те уголья в костер, а они загорелись. В тот момент царь, дивясь и радуясь, вроде и произнес исторические слова: «Сей минерал, если не нам, то потомкам нашим, зело полезен будет».

Не стану и повторяться — это предание катано-перекатано из поколения в поколение и так, и сяк, на разные лады.

Легенда легендой, а слова эти Петр Первый и в самом деле произнес. Может, и после проб, которые учинили иноземные мастера найденному каменью.

ЛЕГЕНДА О ШУБИНЕ.

Говорят, на том самом месте, где нынче лежит напоенный солнцем богатый, благодатный Донецкий край, когда-то, давным-давно, на заболоченных берегах тогдашнего морского залива росли дремучие леса, деревья в которых были совсем не похожие на те, что растут в наше время. Над болотами постоянно висел густой туман, насыщенный влагой. И темные тучи сплошь покрывали небо. Из них беспрерывно шли теплые ливни. В небесной выси взбескивали ослепительные всполохи огненных молний, грохотали сильные грозы. Волглый воздух был насыщен испарениями и удущивым болотным газом. Только изредка сквозь мглу, да и то на короткий миг, пробивались солнечные лучи...

В том сумрачном царстве дикой природы не было слышно ни рычания зверей, ни пения птиц. По деревьям и огромным травам ползали великаны-пауки, скорпионы, мокрицы... В болоте жили гигантские раки, преогромные, величиной с хату, лягушки... А еще, говорят, в тех болотах водились неимоверно большие, не похожие ни на какие другие тварей, незримые крылатые ящеры. Их тело было прозрачное, как воздух, их невидимые жилы, вместо крови, были наполнены газом болотным. Они умели хорошо летать, однако болото оставляли лишь в кратковременную солнечную погоду. Газ, из

которого состояло тело ящеров, легко воспламенялся. И горе тому из них, если в него ненароком попадала пурпурная и самая крохотная искорка молнии. Вмиг взрывался!

В тот раз над всей здешней местностью непроницаемым пологом залегли густые тучи из края в край. Ни малейшего проблеска не было! Ливни с грозами не затихали на протяжении нескольких недель. Все живое замерло, притихло и затаилось. Глубоко в болоте, под толщами непролазной грязищи, распластались ящеры — подальше от беды.

А тем временем крутые, высоченные морские волны начали затапливать и леса, не только болота.

… Прошло с тех пор немало лет, может, сотни тысяч. Море постепенно обмелело в здешних краях. А рухнувшие от воды деревья поглотились топями. И земле сделалось как бы душно под таким покровом. Она до того разогрелась изнутри, что в конце концов затряслась, как в лихорадке, из ее недр то в одном месте, то в другом стали вырываться наружу огненные столбы, раскаленные камни, которые постепенно остывали и образовывали холмы и горы.

Со временем из поглощенного болотами леса, спрессованного до каменной твердости после того, как он истлел или переродился окончательно, возник сам по себе горючий камень. И залег пластами, как и наваливались друг на дружку деревья. А незримые ящеры — те, которых не уничтожил огонь, оказались сдавленными угольными пластами, и лежали там до поры до времени в почти безжизненной дреме.

И вот настал час, когда тот солнечный камень потребовался людям для обогрева, плавки железной руды, и его стали добывать из подземелья. Тут-то и очнулись потревоженные хищные ящеры-чудища. Зашевелились своими незримыми газовыми телами, торкнулись в одну сторону, в другую, пытаясь освободиться из многовекового плена. Надавит чудище на пласт, и преогромная глыба вывернется и ахнет в забой, где люди, или весь ящер в маленькую дырочку вместе с угольной пылью так и высыпистнет из глубин и мором пройдет по углекопам — вповал падают те, кого не задавило до выброса газовых ящеров обломками каменного угля. А наткнется чудище на какой-нибудь огонек в шахте, тут и само взорвется, сотрясая подземелья и обрушивая породу из крепкого сланца и песчаника. Ужасное зрелище!

На одной копи был уже опытный, повидавший виды шахтер. Вот он мараковал-мараковал и надумал, как изгнать зверя-невидимку из угольных пластов.

Он взял с собой длинный шпур. Пробурил им в цельном пласте длинную узкую дыру, чтобы добраться до логова зверя-невидимки, а как только достал того, тот завертелся, как ужаленный, и мигом выскочил через ту дырку в забой. А тут его поджидал наготове мощный вентилятор. Завертел его так, что тот, и опомниться не успел, как мощнейшая струя воздуха погнала на-гора и бесследно, до мельчайших его газовых клеточек, развеяла в степи Донецкой.

Впоследствии кое-кто из суеверных старых шахтеров называл невидимое чудище еще и шахтерским чертом, жившим, по преданиям, в подземелье и мстившим углекопам за то, что потревожили его подземные покои. А больше он человеком обращался, потому как на самом деле был Хозяином подземных кладов, на которые посягнули люди. Оттого и свирепствовал под землей, громыхал по выработкам, свистел так, что уши закладывало, и пищал, и кукарекал, охал и вздыхал на всю свою пещерную пасть, отчего фуражки с углекопов будто ветром сдувало, фыркал в глаза угольной пылью, обрушивал породу и устраивал непроходимые завалы.

Страха от него набрались углекопы — не приведи господь!

И, таясь, немея до макушки в опаске пред ним, все же пытались разглядеть его в сумрачном подземном хозяйственном царстве. Но где там! За ним было не угнаться — то здесь он чем-либо напомнит о себе, то там, а потом и затаится. Кто знает, может, и рядышком где прикорнул. В летах вроде был, и у него, кидать, с устатку ноги подкашивались.

Однако находились смельчаки, которые уверяли, что видели его собственными глазами, даже чуть ли не схватили за седую бородищу, которая вслед за ним сивой гривой волочится. Такие-то, братцы, делишки. Самую малость бы — и вытащили бы невидимку на свет божий!

А поскольку он все время обитал в сыром подземелье, то постоянно ходил в шубе. От сырости она у него сплошь покрывалась мохнатой изморозью. И была такой же на вид седой, как и его пушистая борода.

Оттого-то, должно, и прозвали его углекопы Шубиным.

И чуть что, припугивали им новичков или лодырей, или пьяниц горьких. Поговаривали, будто он страсть как не терпит сивушного духу — за версту чует! Потому и наказывает пьянчужек и нерадивцев.

Рассказней о нем ходило — заслушаешься, пока и волосы от страха на голове дыбом не встанут!

А с болотным гремучим газом углекопы боролись поначалу не на живот, а что называется на смертную смерть. И своеобычным способом.

ЛЕГЕНДА О ШУБИНЕ.

Было это давным-давно, еще при царе. Тогда в донецких степях только-только появились первые шахты. Были они совсем не такие, как сейчас. Уголек рубили обушком, лопатой грузили на сани, сани человек тащил на четвереньках за собой к штреку, там ссыпал в вагонетки, по штреку к шурфу вагонетки

доставляли кони, потом уголь поднимали бадьями на-гора. Очень тяжелой и опасной была работа первых шахтеров. Далеко шла от донецких степей дурная слава об этой нелегкой, но лучше других оплачиваемой работе. И съезжался к шахтам на наем бедный рабочий люд. Богатеи — хозяева шахт — радовались: рабочих рук всегда в избытке, есть из чего выбрать.

Но была на старых шахтах в те времена такая подземная специальность, на которую не всегда находился работник. И оплачивалась она дорого — десять золотых

рублей, и работы той было на полчаса, а случись что, родня шахтера большие деньги за пострадавшего получала. Шли на эту работу самые отчаянные сорвиголовы, которым смерть — что сестра. Специальность эта называлась поджигатель, или газожег.

Перед спуском смены поджигатель натягивал на себя побольше всякого мокрого тряпья, закутывал поплотнее голову и лез с факелом в шахту. Там он поджигал накопившийся угольный газ. Не однажды, бывало, смена находила поджигателя мертвым и выносила его на поверхность. У шахтеров обычай был такой — если погибнет кто под землей, его обязательно на-гора подымали, чтобы похоронить по-человечески.

Работал в те времена на донецких шахтах поджигателем некий Шубин. Лихой был человек. Никого и ничего не боялся. Только однажды полез он очередной раз в шахту поджигать газ, да и погиб там под завалом. Хозяева шахты подсчитали, что если откапывать Шубина, то это выйдет им дорого. И стали уговаривать семью покойника вместо тела взять деньги. Семья большая была, а без кормильца на что жить? Подумали, подумали, что уж от покойника проку, да и взяли деньги. Только с тех времен и по сей день, из поколения в поколение слышат шахтеры, как гремит в стенах камнями Шубин. Обозлился-де на людей. То выброс устроит, то обвал. Все товарищей себе ищет.

По второй версии, Шубин работал обычным горняком вместе со своими товарищами, и однажды его бригада погибла от взрыва, а выжил только он. После этого Шубин не выдержал такого горя и сбежал под землю, больше его никто живым не видел. А впоследствии шахтеры из разных уголков Донбасса будто бы видели странную фигуру в черном тулупе и с огнем в руке, которая предупреждала их об опасных участках под землей. Так и пошла молва о том, что Шубин оберегает шахтеров от смерти. Донбасский Шубин — это какбы прототип уральской мифической Хозяйки Медной горы, среди шахтеров бытует поверье, что если увидел Шубина, нужно увольняться с шахты, пока жив и здоров.

Каменный уголь! Казалось бы, самый неприглядный с виду среди множества драгоценных камней, какие ни на есть на всем белом свете — и черен, и пылен, и недолговечен по изъятии его из земных глубин... И добыча его сопряжена со смертельным риском...

Да воспет он почище алмазов, почище золота!

*Легенды данного пособия, взяты из книги
И. С. Костыри «Думы о Донбассе», адресованы детям
и их родителям, которые любят родной край и
интересуются историей Донбасса.*

